

Вера Васильевна Яковлева,

учитель русского языка и литературы «СОШ № 34»

Тайгинского городского округа

Виктор Баянов - адресат лирики Евгения Буравлёва.

Дружеские послания братьям по перу традиционны в русской лирике. Вспомним строки А.С. Пушкина, адресованные В.А. Жуковскому, В.К. Кюхельбекеру, А.А. Дельвигу, и их ответные поэтические посвящения. Не ушёл от этого жанра и Серебряный, да и вообще двадцатый век. В качестве примера можно привести сонет-ответ Игоря Северянина "Валерию Брюсову", особую загадочность которому придаёт акростих. Вспомним диалоги в стихах Анны Ахматовой с Александром Блоком, Николаем Гумилёвым. Марины Цветаевой - с Осипом Мандельштамом, Александром Блоком, Борисом Пастернаком. В лирике военных лет впечатляет суровой правдой и горькой достоверностью стихотворение К.М. Симонова "Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины..." Поэт обращается к своему другу, тоже фронтовому корреспонденту Алексею Суркову. В шестидесятые годы Евгений Евтушенко адресует стихи Белле Ахмадулиной, а она - Булату Окуджаве, Андрею Вознесенскому.

Не удивительно встретиться с этим классическим жанром и в поэзии Кузбасса. Например, Евгений Буравлёв стихотворение "Машинист" написал так: "Виктору Баянову". Несколько слов о поэте Евгении Сергеевиче Буравлёве. Прочитую автобиографический фрагмент из его известного стихотворения:

Биография начиналась так:

В небо рвался багряный флаг,

Возвращались с гражданской бойцы -

Наши будущие отцы.

Нас рожали в голодный год,

Лишь бы только продолжить род...

Так вот напористо, грубовато, без сентиментальных ноток, очень искренне поэт представляет лирического героя. А.П. Казаркин в книге "Пульс времени" (1985) заметил: "Хорошо это или плохо - в ранних стихах Буравлёва "я" решительно вытеснено. "Мы" - вот его лирический герой".

Поэтому и возникает коллективный, обобщённый портрет поколения:

Пусть у нас ни двора, ни кола -
Лишь бы Родина вечно жила,
Лишь бы в сердце - завет отцов,
Лишь бы встречный ветер - в лицо.
...И до самых седых волос
Мы работали на износ.

Судьба Буравлёва типична для эпохи, напоминает многие судьбы ровесников. Это часть истории страны. Родился в 1921 году в селе Гридино Калужской области в семье строителей-железнодорожников. Позднее семья оказалась в Кузбассе, среднюю школу поэт закончил на станции Промышленной. По комсомольскому призыву был направлен в Иркутское авиационно-техническое училище. Профессия лётчика тогда была мечтой многих юношей. Училище Буравлёв окончил перед самой войной, а с её началом сразу попал на фронт. Воевал. Был ранен в боях над Кёнигсбергом, горел в самолёте, удостоен наград: ордена Красной Звезды, медалей. После войны продолжал летать в Заполярье. Потом жил в Междуреченске, работал на ЮжСибге, писал стихи. В сорок лет окончил Литературный институт имени М.Горького. В течение десяти лет возглавлял писательскую организацию Кемеровской области, редактировал альманах "Огни Кузбасса". С большим вниманием изучал рукописи начинающих авторов.

Литинститутский друг Олег Павловский вспоминает, что Буравлёв всегда с гордостью за Кузбасскую землю говорил о молодых талантах. "В Виктора Баянова, - читаем в его статье "Для печати не предназначалось", - он был просто влюблён и готов был говорить о нём, его таланте без всякой меры. Прочтите одно из лучших стихотворений Евгения Буравлёва "Машинист", посвящённое Баянову, и вы убедитесь в этом. А ведь будем откровенны: не каждый из нас может так вот о своём собрате по перу. Чаще случается наоборот. Я вот, дескать, писатель, а остальные так себе, воробышки, чирикают всякую дребедень..."

Главными героями поэзии Евгения Буравлёва были труженики. Отношение к делу было главным мерилом личности. Профессионализм, любовь к работе, чувство ответственности, самоотверженность - такими были черты героя времени, в которое выпало жить поэту. Эти качества были

присущи железнодорожнику-локомотивщику Виктору Баянову.

Мелькают пихты и берёзы,
Черёмух вьётся снежный дым
И за окошком тепловоза
Бураном кажется густым.
А вот, за выемкой горбатой,
В ложок сбежавши босиком,
В серёжках с головы до пяток
Стоит талинка с топольком.
Вот - за мостом - ещё мосточек.
А вон - девчонка над ручьём
Сигналит нам, сорвав платочек,
Об одиночестве своём.
А вон, мыча под стук колёсный,
Телята сбились вдруг гуртом.
И пастушок, сбивая росы,
Беззвучно щёлкает кнутом.
Но машинист, должно, привык их
Не замечать давным-давно, -
Колотится состав на стыках,
Вминает шпалы в полотно.
Оно и верно, что с годами
Так перегон освоил он,
Что знал с закрытыми глазами,
Где - на подъём, где - под уклон,

В каком часу на переезде
Заступит дед Матвей с рожком,
Когда рысак по кличке Резвый
Подтащит фляги с молоком,
Знал распорядок околотка
Весь по минутам наперёд -
Когда обходчика молодка
С пустыми по воду пойдёт,
Когда уставшие путейцы
В тени под клеткой старых шпал
С едой расстелют полотенца
И после рухнут наповал...
И всё ж к дороге не привыкнуть,
Она - как жизнь, хоть век езжай,
А для раздумий, если вникнуть,
Даёт всё время урожай.
Вот. чин по чину сдавши смену
И отобедав, машинист
Перед собою непременно
Кладёт бумаги чистый лист,
Вот беломориной попышет,
Да так, что дым столбом в дому,
И крупным почерком запишет
Всё, что пригрезилось ему.
Не поспешу к нему с расспросом,

Но удержаться не могу:
Я знаю - будет там о росах,
О тальниках на берегу,
О давнем детстве, о молодке,
Что старый муж не уберёт,
О лёгкой девичьей походке
И про глухой варначий лог...
Строка к строке - как, срезав лозы,
Плели корзины старики.
Но ни строки про тепловозы,
Про машиниста ни строки.
Всё будет - чибис, что пытается:
Мол, чьи вы, чьей земли сыны?
И сок берёзы, что питает
Мальчишек силами весны,
И просто так о небе синем,
О том, как свищет соловей, -
А как прочтёшь - всё о России,
О светлой Родине моей.

Это настоящий гимн современнику - поэту и машинисту в одном лице. Когда писалось стихотворение (шестидесятые годы узнаются по детской песенке "У дороги чибис..."), люди верили в потенциальное совершенство человека, в возможность гармоничного развития и вообще в гармонизацию общества. Таков и лирический герой-машинист: настоящий труженик и мечтатель, восхищённый красотой видимого из окна кабины электровоза мира. Безупречным знанием пути, способностью определить «с закрытыми глазами, где – на подъём, где – под уклон» он напоминает героя рассказа А.П. Платонова – талантливого машиниста Мальцева, который, даже потеряв в грозу зрение, видел «всю дорогу впереди и всю природу, несущуюся

навстречу». [Романтичностью же мировосприятия очень похож на главных героев первой повести В.А. Чивилихина «Живая сила» (1957). Друзья Виктор Бескровный и Николай Диденко после техникума отправляются на Север и там, в тяжелейших условиях, закаляются, мужают, обретают смысл жизни. Комсомольцы-добровольцы являются представителями «многочисленного племени романтиков, а эта порода никогда не переведётся на белом свете» Нельзя не заметить некоторого сходства в жизненном пути Владимира Алексеевича Чивилихина и Виктора Михайловича Баянова: семилетка, железнодорожный техникум (училище), работа кочегаром, помощником машиниста, машинистом... Оба из Кузбасса, только разница в возрасте – восемь лет. Поскольку стихотворение имеет конкретное посвящение, лирический герой всё-таки индивидуализирован. Поэт, он способен восхищённо и безотрывно смотреть на "снежный дым" черёмух, дуэт талинки с тополком, мелькание пихт и берёз. Природа одушевлена и прекрасна в каждом миге. Интересны и люди: девчонка, взмахнувшая платочком вслед поезду, дед Матвей с рожком, молодка с вёдрами на коромысле, уставшие путейцы. Возникает и мотив дороги - вечный образ русской живописи, музыки, литературы – страннической и беспокойной русской души. А с этим мотивом сплетается философское раздумье:

И всё ж к дороге не привыкнуть,

Она - как жизнь, хоть век езжай...

Не соответствующая норме словообразования императива форма "езжай" здесь вполне уместна и естественна: так говорят люди, о которых лирический герой напишет на "чистом листе", возвратившись из поездки. Какие строки польются из-под пера? Возможно, такие:

Сторона любимая, приметная.

У тебя приметы есть предметные.

Где-то есть такие ж кедры с соснами,

Где-то есть такие ж зимы с вёснами,

Горы есть со снеговыми шапками

И посёлки с трубами и шахтами.

Только нет нигде чего-то главного,

По цене - одной лишь жизни равного.

Очень близкого чего-то, очень местного,

Сердцу только одному известного...

Виктор Михайлович Баянов искренне считал Евгения Сергеевича Буравлёва своим наставником в творчестве и старшим другом. Ценил в нём верность рабочей теме, умение подметить среди окружающих асов, артистов в своём деле. Вспоминает интересный эпизод: «...Однажды, возвращаясь из командировки, мы задержались с ним возле достраивающегося в то время кемеровского вокзала. Худенький и лёгкий мужичишко, продувной какой-то, с торчащим из кармана спецовки складным метром – мастер-стекольщик – принялся вставлять стёкла в большие вокзальные окна. С разгаром работы ушла куда-то мелкота его и невзрачность. Он не клал, а небрежно бросал, как фанеру, большие стекольные листы, приставлял линейку, чиркал стеклорезом, отламывал, снимал с верстака, хватал новый лист. И всё это легко, быстро, чётко, без единого лишнего движения и суетливости. ...Буравлёв уже любил этого мастера, я видел по лицу...» А вот поэтические строки, которые В.М. Баянов адресовал старшему другу:

Так жил.

За славой не гонялся.

И я, не знаю почему,

Всегда хотел,

Всегда боялся

Свои стихи читать ему...